

18+

Андрей Николаевич
Сатирский

Рассказики-4

Криминальные истории

Андрей Сатирский

Рассказики-4.

Криминальные истории

«Издательские решения»

Сатирский А. Н.

Рассказики-4. Криминальные истории / А. Н. Сатирский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601786-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Несколько выдуманных коротких историй в жанре
легкого детектива с участием знаменитых людей. Все совпадения являются
случайными. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-601786-3

© Сатирский А. Н.
© Издательские решения

Содержание

ФИНИТА ЛЯ КОМЕДИЯ!	6
Понедельник	7
Вторник	12
Среда	17
Четверг	21
Пятница	25
Суббота	28
Воскресенье	33
Понедельник	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рассказики-4

Криминальные истории

Андрей Николаевич Сатирский

Корректор Марина Сатирская

© Андрей Николаевич Сатирский, 2025

ISBN 978-5-0060-1786-3 (т. 4)

ISBN 978-5-0056-0585-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФИНИТА ЛЯ КОМЕДИЯ! ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ

ЭПИГРАФ: Ах, развеселый карнавал! Скрывают маски злой оскал.

Бокалов звон и шуток шквал, а под плащом блестит кинжал.

В Питере такой уж климат – дождь, слякоть, холодный ветер с Невы во все времена года, туман, почему-то пахнувший соленой треской. Желательно посидеть дома в мягком кресле у жаркого камина. И чтобы угодливый лакей по мановению руки подносил на серебряном подносе рюмочку с ароматным коньяком. А рядом находились друзья, молча курили и смотрели на огонь. Иногда кто-нибудь что-то рассказывал, а все внимали. Этаким уютный мирок среди бушующих в мире войн и кровавых революций. И никаких творческих мук, необходимости выдумывать, писать, вечно требующей денег жены. Душа желает отдыха от тяжелой литературной деятельности да привязчивых муз. Посему и был создан Литературный клуб, подобный джентльменским в Англии. Где приятно провести вечерок-другой в компании коллег. Как выразился Есенин:

– Вас согреет лучше от тоски и выюг,
Пьющий вместе с вами настоящий друг.

Мэтры скинулись и арендовали большой зал близ Фонтанки с четырьмя огромными окнами. В окна иногда посвистывал шальной ветерок, но постоянно пылающий камин поддерживал в зале тепло. Над камином повесили портрет царя, подаренный неизвестным одесским художником. Поэтому царь более походил на продавца рыбой с Привоза и даже иногда пахивал несвежей кефалью. У камина стояли четыре кресла, в которых восседать могли только мэтры, чем они частенько и занимались. Далее вдоль стен располагались журнальные столики и диванчики. Их оккупировали начинающие литераторы с поклонницами. Ведь приводить женщин и жен разрешалось. А куда же без них? Неподалеку от камина, напротив окон скрипел огромный старинный сервант, заполненный различным алкоголем и легкими закусками. Рядом стоял столик с посудой. При зале имелась прихожая с вешалками и телефоном, где дежурил лакей Гриша, встречавший гостей. Но чаще он находился близ серванта, чтобы выполнять заказы из зала. Опять же, так удобнее подбрасывать дрова в камин. В общем, создавалась теплая творческая обстановка.

(Конечно, сей клуб лишь плод фантазии автора, воображаемый мир удивительных людей. Но только представьте, что к вам домой зашел Гоголь с рукописью второго тома «Мертвых душ»...)

Понедельник

Обычно клуб пустует в полдень. Члены работают, творят. Но трое уже мирно подремывают в креслах подле жаркого камина. Шторы на окнах плотно задернуты, полутьма. В зале тихо, лишь иногда поскрипывает сервант да кого-то за дверью шепотом материт Гриша.

Внезапно тишину прервало шарканье ботинок в прихожей, дверь с грохотом распахнулась, вбежал Чехов, устремился к теплу камина и плюхнулся в свободное кресло, восклицая: -Доброе утро, господа!

Антон Павлович Чехов

- Ты чего расшумелся, Антон Павлович? —возмутился Толстой, но глаза не приоткрыл.
- И впрямь, Антоша, где твоя интеллигентность? —заворочался в кресле Бунин: -Будишь людей.
- Что случилось? —устремил на Чехова свой строгий орлиный взор Белинский.

– Да ничего не случилось! —ответил Чехов: -Шел мимо и зашел погреться. И не думал, что здесь уже есть такая приятная компания.

– Только тебя нам и не хватало, -проворчал Толстой.

Чехов развернулся к прихожей: -Григорий, голубчик, а подай-ка нам по рюмочке коньячку!

В зал степенно вошел пожилой лакей в смокинге, открыл сервант, чем-то побрякал, булькнул и поднес гостям на серебряном подносе четыре рюмки с аппетитно пахнущей жидкостью: -Пожалуйста, господа. Французский коньяк «Камю» от Шустова. Вам принести бутылочку, как обычно? —и удалился к серванту.

– За то, чтобы острый язык Виссариона не хулил нас, а хвалил! —поднял рюмку Толстой.

– По делам вашим и кара! —отрезал Белинский, за крутой нрав прозванный «Неистовым Виссарионом»: -Настоящее литературное произведение – прекрасно сложенное тело, пронизанное кровью и нервами чувств. А все, что ниже спины, – жопа

Молча посмаковали коньяк. Лакей принес бутылку, рядом разместил тарелочку с нарезанным дольками лимоном.

– Спасибо, -Бунин царственным взмахом руки удалил лакея: -Кстати, Антон, ты откуда шел-то?

– Из больницы. Жену отвез, она ножку вывихнула, летая вчера вечером чайкой по сцене.

– Бедная птичка, -сочувственно кивнул Бунин.

Чехов подлил себе из бутылки: -И в больнице произошел весьма интересный случай.

– Ну-ка, ну-ка, -открыл глаза Толстой: -Поведай.

– В палате реанимации помер один пациент...

– Да уж, весьма интересно! —усмехнулся Белинский.

– Но я переговорил кое с кем из персонала, -продолжил Чехов: -И вот что странно... Почившего Лосева нашли вечером на вокзале с колотой раной печени. В больнице его откачали и положили под капельницу в палату с тремя другими пациентами. Врачи прогнозировали ему скорое выздоровление, однако утром медсестра обнаружила его мертвым. Странно то, что в палате пахло валерьянкой, а на постели умершего виднелись не просохшие пятна жидкости. Дежурный врач не обратил на то внимания и отправил тело в морг.

– И ничего интересного, -хмыкнул Белинский.

– Да не критикуй ты каждое слово! —недовольно воскликнул Толстой: -Дай человеку высказаться! Продолжай, Антон Павлович...

Чехов неспешно выпил рюмку, долил из бутылки и продолжил: -Валерьянка, как вам известно, снадобье полезное, -сделал глоток: -Но в малых дозах. Если разом в кровь попадет приличное количество, то сердце не выдержит. Думаю, так и погиб Лосев, а вскрытие сие покажет.

– Он что, выпил целый флакон лекарства? —изумился Бунин.

– Нет, скорее всего валерьянка поступила через трубочку капельницы, -Заявил Чехов.

– Это как? Просвети нас, -недоверчивый взор Белинского пронзил Антона Павловича.

Чехова это не смутило, он поправил слегка сбившееся под взглядом Белинского пенсне и продолжил: -Капельница устроена просто – из баллона лекарство по трубочке поступает прямо в вену пациента через клапан. При долговременной капельнице, а именно такая была установлена Лосеву, в трубочку вставляется дозатор. Он строго по времени пропускает капли. Но можно, минуя дозатор, шприцем ввести лекарство прямо в клапан. Или вколоть в трубочку после дозатора, но при этом возможно обнаружение отверстия от иглы. Поэтому Лосеву лекарство попало в кровь именно первым способом. На сие указывают и пятна жидкости.

– Это почему же? —Заинтересовался Толстой.

– Тот, кто вводил валерьянку, сначала отделил трубочку от клапана, сделал укол, а потом все восстановил. Но из свободной трубочки продолжало капать лекарство, прямо на постель.

– И что? —после долгого молчания дрожащим голосом спросил Бунин.

– Убийство, господа! —воскликнул Чехов.

От этих слов холодный ветер прорвался сквозь шторы в зал, тьма сгустилась, затухло пламя в камине. Белинский рассеянно поворошил кочергой угли, чтобы возродить огонь.

– Итак, господа, мы имеем только способ убийства, -Почесал бороду Толстой: -Остальное недоказуемо, -и потянулся за бутылкой.

– Пока недоказуемо, -Погрозил ему пальцем Чехов: -Но можно попробовать...

– Можно, -согласно кивнул Толстой и разлил коньяк по рюмкам: -А с чего начнем? Есть предложения? Я как-то в поисках убийц не силен...

Белинский аккуратно положил кочергу на полку у камина: -Как говорит мой знакомый сыщик Кошко, надо сначала установить личность погибшего. Что мы о нем знаем?

– Немного, -согласился Чехов: -Его фамилия Лосев. Но вот что я нашел в утренних «Ведомостях», -достает из кармана газету и читает: -«На Николаевском вокзале в туалете обнаружено тело прибывшего вечерним поездом бывшего каторжника Лосева, что подтверждается имеющейся при нем справкой. По имеющимся сведениям он ранее являлся активным членом банды грабителей и убийц. Смертной казни избежал, потому что выдал своих сообщников. Потерпевший отправлен в больницу с колотой раной в область почки. Следствие ведет начальник уголовной полиции Кошко». Думаю, это наш убиенный пациент.

– Каторжник! Только что приехал! —чуть ли не подскочил в кресле Бунин: -Выдал своих! Да его точно кто-то встречал! И поквитался. Вот вам самое главное – мотив убийства!

– Согласен, -одобрительно кивнул Белинский.

– Ого! —ухмыльнулся Толстой: -Первая похвала от зоила!

– Я еще скажу! -добавил Бунин: -Узнав, что Лосев выжил, убийца закончил дело.

– Хорошее предположение, -поднял рюмку Чехов: -За него следует выпить.

Что все четверо сделали с удовольствием, а лимончик пришелся кстати. Приятная пауза смакования длилась недолго. Ее прервал Толстой: -Выходит, убийцу надо искать в больничке? И кто же он?

– Ну, мы о нем уже кое-что знаем, -заявил Белинский: -Во-первых, он не пациент, поскольку трое соседей по палате были увешаны капельницами да дренажными трубками, что лишало их возможности передвижения. Антон Павлович, я прав? Во-вторых, он знает о возможных последствиях приема валерьянки. И, в-третьих, он умеет пользоваться медицинскими инструментами. Следовательно, это – медработник в сей больнице.

– Толково, -одобрительно кивнул Толстой: -Вычисляем. Кто там был ночью?

– И, если это бывший сообщник по банде, надо учесть возраст, -предложил Бунин.

Чехов принялся загибать пальцы: -Медсестра, дежурный врач, санитарка, ночной сторож. Под утро прибыли кухарка с поваром, чтобы готовить завтрак. Их тоже нельзя сбрасывать со счета. Ну, кто более нам подходит?

– Медсестра явно не подходит по возрасту, -Отмахнулся Бунин: -Даже если ей за 40. Лосев точно отбыл на каторге лет двадцать. Да и не смогла бы она отлучиться на вокзал.

– По той же причине и санитарка не наш человек, -Согласился Белинский: -А что насчет дежурного врача?

Чехов почесал нос: -Ночь выдалась относительно спокойной, и он спал в ординаторской. Хотя его никто не видел, но выйти без участия сторожа невозможно. Сам же сторож принимал санитарную машину с вокзала. Явно не мог там быть.

– А если имелся сообщник? —предположил Толстой: -Хотя это слишком сложно.

– Остаются кухарка и повар, которые прибыли под утро, -Подвел итог Бунин: -Вполне могли побывать на вокзале. Что известно про них?

Чехов задумчиво покрутил рюмку: -Ничего. На кухне я не был. Но имеют ли они медицинские навыки? И какое отношение имеют к бывшей банде?

– Вот любишь ты задавать сложные вопросы! — Толстой с досадой хлопнул себя ладонью по колену: – А кто отвечать будет?

– Ответит Иван, -с усмешкой кивнул на Бунина Чехов: -Он у нас тонкий психолог, лирик. Разбирается в человеческих душах.

Бунин долго смотрел на погасшие угли в камине, думал, наконец, решился: -Хорошо, я попробую... Кто может работать поваром в больничке? Тот, кто имеет диплом, соответствующий стаж, рекомендации и не старик по возрасту. Есть ли у него медицинские навыки? Сомневаюсь. А мог он проникнуть в реанимационную палату? Нет, слишком занят на кухне. Значит, остается один кандидат...

– Обоснуй! —Потребовал Белинский.

– Кухарке обычно за сорок. Работа неблагодарная и малооплачиваемая. Постоянно отлучается из кухни – в кладовую или вынести мусор. Не уследить за ней. Именно она приносит пищу в палаты, где общается с медсестрами, видит, как они работают, иногда помогает. В своем белом халате она невидимка среди персонала.

– И что? —Скривился Белинский: -Какое она может иметь отношение к Лосеву?

– Да, Иван, -согласился Толстой: -Ты выдвинул серьезное обвинение.

– Возможно... Но давайте представим, что в молодости она была женой одного из казненных бандитов, знала, кто его предал, и считала дни до его освобождения. А затем встретила. Ножом в спину...

– Подходит, -кивнул Чехов: -Мужчина бы разворотил печень, а женская рука слабее.

– Узнав, что Лосев выжил, она вполне могла пройти в палату, чтобы завершить начатое. Огонь в камине внезапно вновь разгорелся, бросая яркие вспышки в темноту зала.

После недолгого молчания Белинский вскочил: -Я сообщу нашу версию Кошко! – и выбежал в прихожую к телефону. Товарищи, не сговариваясь, тотчас допили бутылку и зажевали лимоном с невинными улыбками на лицах.

Белинский возвратился несколько обескураженный, сел, с грустью поглядел на пустую бутылку и сообщил: -Кошко уже арестовал кухарку...

– Как же мы были правы! – радостно улыбнулся Толстой: -Гриша, пожалуйста еще бутылочку!

– Но только за покушение на убийство на вокзале, -продолжил Белинский.

Толстой недоуменно развел руками: -Не понял...

– А убийство завершил в палате ее брат – дежурный врач.

– Вот это поворот! —Чехов рассеянно протер пенсне: -Тут без бутылки не разобраться...

Гриша степенно направился к серванту.

Вторник

Нынче вечер в клубе проходил шумно. Журналисты праздновали выход новой книги своего московского коллеги Гиляровского «Москва и москвичи». Многочисленные гости сновали вдоль фуршетного стола, выбирая алкоголь с закусками, пили и танцевали под граммофон. Иногда собирались группами, чтобы подбросить виновника торжества на руках. Но так как Гиляровский был телом грузен, не всегда удавалось поймать. Зато много смеялись.

В общей суете только три человека, сидящие в креслах подле камина, сохраняли недвижимое спокойствие. Молчали, смотрели на огонь да потихоньку смаковали коньяк. Наконец, не выдержал Чехов: -Николай Алексеевич, вы так редко посещаете клуб. Каким нынче ветром вас занесло в Питер?

Некрасов с грустью оглянулся на веселящийся зал, вздохнул: -Все дела, дела... Именьице маленькое, дохода никакого, а забот требует немерено. Опять же издатели, мерзавцы, норовят гонорары урезать, а то и вовсе не заплатить. Приходится выбивать, иногда кулаком. Да кому на Руси жить хорошо?!

– «У меня сходные проблемы», -подумал Толстой: -«Только имение побогаче, графское».

Иван Алексеевич Бунин

К ним подбежал покрасневший от вина и танцев Бунин: -Мое почтение, Лев Николаевич! Приветствую тебя, Николай Алексеевич! —приобнял он Некрасова: -Здравствуй, Антоша! С утра здесь сидишь?

– Да, со вчерашнего, -грустно ответил Чехов.

– Как Ольга?

– Порхает чайкой по больничке, -усмешка тоже вышла грустной. На чаек у него фобия: увидал как-то в Ялте сию птичку и накатал про нее комедию. С тех пор все пишет и пишет, не может остановиться. А театрам приходится ставить на сцене – классик же!

– Ну, дай Бог ей здоровья! -Бунин расположился в свободном кресле: -Можно мне с вами? —и налил себе рюмочку: -Я, кстати, принес сегодняшнюю газету. А там попался весьма интересный материал, -он отпил глоток: -Знаете ли вы госпожу Каренину?

– Как-то раз видел чету Карениных на прогулке в Летнем саду, -припомнил Толстой: - Он степенный, в годах. Какой-то крупный чиновник, насколько я знаю. Она молодая, красивая, чуть за двадцать. Улыбчивая приятная женщина. С ними еще был сынишка лет четырех в матросском костюмчике. Хорошенький, в маму.

– Экий ты наблюдательный, Лев Николаевич! —отметил Бунин: -А я хорошо знаком с ее братом – Стивой Облонским. Он многое рассказывал о Карениных. Но с ними я не встречался – не их я аристократического круга.

– Зато звезда мирового писательского сообщества! —рассмеялся Чехов: -И член нашего круга.

– Мерси боку, -слегка поклонился Бунин: -Но что же я вычитал в газете? Анна Каренина попала под поезд на Николаевском вокзале и погибла!

– Боже упаси! Какая жалость! —воскликнул Толстой.

– Вот уж несчастье! —всплеснул руками Чехов и сбил с носа пенсне.

Один Некрасов остался невозмутимым: -Я о Карениных слыхом не слыхивал, но женщину мне очень жаль. А как это с ней произошло?

– Сейчас скажу, -Бунин разлил коньяк по рюмкам: -Но сначала помянем рабу божью Анну.

Выпили, в скорби помолчали. Толстой платочком промокнул слезу. Чехов протер и водрузил на нос пенсне. Некрасов вытер рукавом сюртука нос и усы. Бунин снова наполнил рюмки. Выпили. И Бунин продолжил: -Полиция выдвинула три версии случившегося – несчастный случай, самоубийство, преднамеренное убийство. Но как-то не подходят они для Карениной!

– Почему ты так думаешь? —заглянул в лицо товарища Чехов.

– Трудно объяснить, но она какая-то не такая!словно с другой планеты, -Бунин схватился за голову: -Господи! Я только сейчас осознал, что она мертва! А я веселился, танцевал... Прости меня, Анна! —он закрыл лицо руками, чтобы не слышать окружающих звуков музыки, смеха, звона бокалов.

Товарищи сочувственно молчали. Чехов гладил Бунина по голове, Толстой зачем-то расчесывал бороду, а Некрасов задумчиво уставился в камин. Внезапно в их замкнутом кругу возник лакей Гриша: -Это вам от Гиляровского, -поставил на столик бутылку коньяка и тихо исчез.

Толстой оглянулся в зал, чтобы хоть кивком отблагодарить за внимание, но виновника торжества уже выносили на улицу под восторженные крики. А веселье продолжалось.

– Я вот что подумал, господа, -оторвался от созерцания камина Некрасов: -Странное какое-то происшествие. Надо бы в нем разобраться. Как вы считаете?

Толстой прекратил ковыряться в бороде: -Я поддерживаю. Хочу понять, что же случилось.

– Непременно! —Бунин выпрямился и хлопнул себя по коленям: -Непременно надо понять! Предлагаю включить наше творческое мышление, господа!

– Я присоединяюсь, -заявил Чехов, разливая коньяк по рюмкам: -С чего начнем? —и выпил. Остальные его поддержали.

Некрасов погладил усы: -Давайте по порядку. Это могло быть убийством?

– Думаешь, ее кто-то толкнул на рельсы? —с ужасом взглянул на Некрасова Бунин: -Да у нее и врагов-то никогда не было и не могло быть!

– Да, сомнительно, -кивнул Толстой: -Совсем молодая. Вращалась в высшем свете, где вряд ли отыщешь убийц. И надо было ее выслеживать, искать удобный момент. А кто-то ведь мог заметить толчок. Слишком рискованно. На такой шаг можно было пойти лишь от отчаяния.

Чехов скептически ухмыльнулся: -Именно от отчаяния! Мы же не знаем, а вполне мог быть человек, готовый на убийство. Например, любовник. Ведь она зачем-то пошла на вокзал. На свидание, которое трагически закончилось?

– Такого не может быть! —вскричал Бунин: -Не пятняйте своими грязными лапами честь и достоинство женщины! Нет у нее любовника, она непорочная жена!

– Ты насчет грязных лап базар-то фильтруй, -погрозил пальцем Чехов: -А насчет непорочности я сильно сомневаюсь. Молодая, красивая. Мужчины наверняка оказывали ей знаки внимания. К тому же муженек далеко не молодец. Хотя сына-то сумел сотворить...

Толстой почесал лысину: -Я тоже сомневаюсь насчет любовника, уж больно быстро распространяются сплетни в аристократической среде. Как круги по воде. Моя женушка давно бы знала и мне сообщила, а она любит совать нос в чужие дела. Да и Каренин никак не реагировал.

– Может быть, весьма умело скрывали связь? —хмыкнул Чехов.

– Нет у нее любовника, еще раз вам говорю! —заверил Бунин: -Мне Стива намекал, будто до замужества у Анны был роман с неким полковником Вронским, но вполне невинный, детский. Да и уехал давно тот полковник из города. Я категорически отвергаю версию с любовником!

– Видел я Вронского в офицерском собрании, -сообщил Толстой: -Бретер, активно участвовал в скачках на ипподроме, но в любовных романах замечен не был. Внезапно подал в отставку и убыл в свое имение где-то под Петергофом.

– Совсем близко от Николаевского вокзала, -заметил с ехидцей Чехов.

– Прекрати, наконец, Антоша свои недоказанные инсинуации! —отмахнулся Бунин.

Чехов наигранно прикрылся руками: -Против таких умных слов мне нечего возразить.

– Значит, убийство исключаем, -постановил Некрасов, оглядев товарищей: -Тогда предлагаю за это решение выпить, -и разлил коньяк по рюмкам.

– Я предполагаю – несчастный случай, -высказался Бунин после того как все выпили: -Шла по перрону, оступилась или голова закружилась. Могла ведь надыхаться грязным воздухом вокзала. Задумалась, возможно, а тут паровоз...

Чехов усмехнулся: -Для молодой здоровой женщины это нонсенс. Она бы не пошла по краю платформы при том, что задумалась или надыхалась гарью. Да и с головокружениями не отправилась бы на прогулку по вокзалу. В здравом же уме...

– То есть, несчастный случай тоже исключаем? —окинул товарищей взглядом Некрасов: -Выпьем за согласие!

Гостей в зале осталось немного, в основном группировались у стола с выпивкой, допивали. Граммофон хрипел, выдавливая с пластинки непонятную мелодию. В углу страстно целовалась парочка. Праздник завершился.

– Не вижу я причин для самоубийства. Анна молодая, умная, имеет маленького сына, требующего материнской заботы. Конечно, муж староват, но сколько таких нынче супружеских пар, где женщины смиряются со своим положением. Да, могла бы завести любовника. С неистовой страстью и несчастливым концом. Но никакой любовник не заслуживает смерти после разрыва с ним! Приведу известный вам пример – из-за Казановы не погибла ни одна женщина, -высказал свои доводы Толстой.

– Вы, как всегда, глубоко и верно мыслите, -поклонился Чехов.

– Присоединяюсь! —склонил голову Бунин.

– И самоубийство отвергнуто, -заклучил Некрасов: -А что же остается?

– Признать все версии несостоявшимися, завершить расследование и прикончить бутылку! — рассмеялся Чехов.

Что и сделали с удовольствием.

Бунин вздохнул: -Лев Николаевич, не будешь писать о Карениной?

– Нет, извини. Слишком мелко. Подумываю описать Ватерлоо...

Уже все гости удалились, унося граммофон. Лакей притушил свет и собирал катающиеся по залу бутылки. Почти погас огонь в камине.

– Пора на выход, -поднялись Бунин, Чехов и Некрасов.

– Иван, оставь газетку, я почитаю, -попросил Толстой.

Бунин положил на стол газету и пошел по залу, поддевая ногой бутылку. Лакей погрозил ему пальцем: -Не балуй!

В тусклом свете от камина Толстой попытался рассмотреть крупное фото на первой полосе – немногочисленная толпа зевак и тело на рельсах. Потом попросил: -Гриша, принеси, пожалуйста, лупу, -и, когда лакей принес искомое, тщательно всмотрелся. От ужаса выронил газету – на заднем плане он явственно увидел убегающего Вронского.

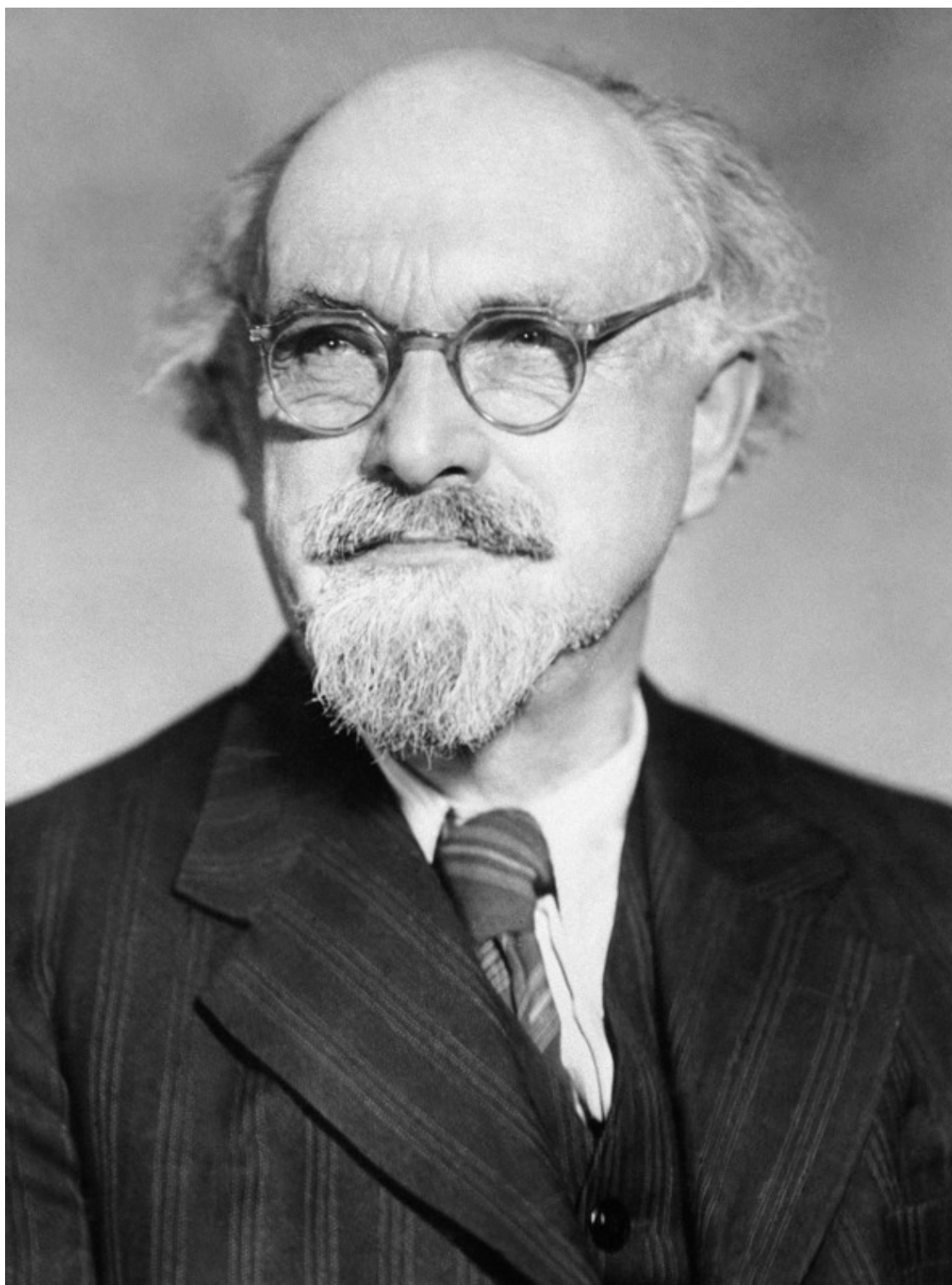
Среда

После обеда в клуб зашли трое начинающих, но уже известных авторов. Прошли по темному пустому залу к камину, сели в кресла для мэтров, разворошили угли, чтобы разгорелось пламя, и заказали лакею бутылку портвейна. В ожидании заказа грели руки у огня.

– Экая мерзкая холодина! Уеду из Питера куда-нибудь на юг, -заявил Пришвин.

– Махни сразу в Сахару, -подначил его Куприн.

– И будешь там в тиши описывать русские березки да красоту мухоморов, -добавил Горький.

Михаил Михайлович Пришвин

Пришвин лишь отмахнулся: -Вольно вам смеяться. А как замечательно описывают природу Толстой, Тургенев и расхваливает в стихах Есенин! Вы бы поучились у них, – и переставил на стол с поднесенных на подносе лакеем три фужера и бутылку. Пришвин клуб и его обитателей не любил, ему более нравилась природа и те, кто в ней проживал. Он вообще проходил мимо, но столкнулся с друзьями, и от приглашения зайти на рюмочку не смог отказаться.

Входная дверь с грохотом распахнулась, к камину, стуча сапогами, стремительно прошел Достоевский и повалился в кресло. Лакей тотчас принес четвертый фужер.

– Всем привет! Чего загрустил, Миша? Как жизнь?

– Выдавливает по капле раба, -слегка улыбнулся Пришвин.

– Как же я ненавижу Питерские казино! —вскричал Достоевский, наливая себе из бутылки: – Завсегда проигрываюсь. Это сам город виноват – его мрачные закоулки полны разбойников. Здесь все норовят тебя обобрать да укокошить за копейку! Мерзкий город! – и опорожнил фужер.

– Ну, не скажите, Федор Михайлович, -робко возразил Куприн: -Его замечательно описывает Гоголь. Чего стоит «Невский проспект»...

– Не люблю я Гоголя! —аж затряс бородой в гневе Достоевский и, чтобы успокоиться, снова налил себе полный фужер.

– Вы же с ним дружите, -заметил Пришвин.

– Дружил, -горько усмехнулся Достоевский: -А он мне удружил! —и выпил.

Горький потянулся за бутылкой, но Достоевский ловко ее перехватил и налил себе. Куприн, нахмуясь, разлил остатки вина товарищам.

– Дал я Гоголю почитать рукопись второго тома романа про князя Мышкина. А он мне – про мертвых душ. Встретились у него, чтобы обсудить, -Достоевский глотнул вина: - Николай Васильевич, если эту змею подколодную можно так назвать, заявил, будто я написал роман прямо про него! Грешен, не сдержался и обозвал его произведение жалкой писаниной. Выпьем! —и мэтр чокнулся с начинающими коллегами. Пустую бутылку он отправил под стол: -Закажите еще. Хороший портвейн. Эй, Гриша, принеси нам такого же!

Куприн за спинкой кресла сделал отмашку лакею, чтобы не приносил, а Пришвин заинтересованно спросил: – И что дальше случилось, Федор Михайлович?

– Дальше? Этот Гоголь-хрен-могиль обиделся за свой роман и с криком: -«Рукописи не горят!» – бросил рукопись в печку. Да не свою, сука, а мою! Идиот!

В молчании допили вино.

– Над чем нынче работаете, Федор Михайлович? —поинтересовался Пришвин.

– Замыслил роман про убийство. Тему подсказал знакомый следователь. Мрачно, конечно, но сам Питер навеивает своими ветрами темные мысли.

– Ах, как интересно! —воскликнул Горький.

– И свежо, -скривился в улыбке Куприн.

– Расскажите, расскажите, Федор Михайлович! —попросил Пришвин.

Достоевский оглянулся на сервант, ожидая вина, но лакей предусмотрительно скрылся в прихожей. Остались лишь три пары восторженных ожидающих глаз.

– Ладно, – согласно кивнул мэтр: -Место действия, конечно, самый захудалый переулок. В маленькой квартирке обнаружили тела двух убиенных старушек-хозяек. Не просто задушенных или заколотых ножом, а зарубленных топором. Кровавое преступление!

– Я представил, и мне страшно, -вздрагнул Пришвин.

– За что же их так, божьих одуванчиков? —перекрестился Горький.

– А чем они занимались? —заинтересовался Куприн.

– Ссужали деньги местным гопникам под проценты.

– Да-а, полно подозреваемых, -хмыкнул Куприн.

– А вот и нет! Под подозрение попали только двое – мелкий чиновник Свидригайлов и студент Раскольников. Отпечатки пальцев первого остались на брошенном возле трупов топоре, а второго видели близ квартиры старушек примерно во время убийства. И у обоих был мотив. Один безумно влюбился в некую бедную местную девицу, обремененную большим семейством, хотя она и занималась проституцией. Почему-то жаждал погасить ее долг у старушек.

– Благородный человек! -одобрил Пришвин.

– Или добивался ее благосклонности, -заметил Куприн.

– Вот только денег у него не было, -продолжил Достоевский: -На допросе он показал, что в ближайшей мясной лавке украл топор и принес процентщицам в качестве залога. Отсюда его отпечатки на топоре. Но те залог не приняли, они рассорились, и он убежал в гневе. А топор остался. Свидригайлов признает кражу топора, однако считает, будто ничего не должен, так как вещь вернется к владельцу. Упорно стоит на своем.

– Но остается главным подозреваемым, -отметил Горький: -А что со студентом?

– Тот еще тип, вольнодумец. В его каморке на стене написано «Тварь я дрожащая или право имею?». Вполне может и убить. Уверяет, будто приходил к дому старушек просить денег, но в квартиру зайти не решился – ведь и так задолжал целый рубль. Понял, что не дадут ничего. Алиби нет. Порфирий, следовательно, уж какое психологическое воздействие оказывал, но не сознается.

– Знаю я сие психологическое воздействие, -взмахнул руками Горький: -Не раз задерживали, пока бродил по Руси. Сначала страшат каторгой, затем обещают малый срок в тюрьме, лишь бы сознался в каком-либо преступлении. А студент молодец – не сознается.

– Может, он реально псих? —Предположил Горький.

Достоевский недовольно поморщился: -Шизофрения – странный предмет, ты вроде бы один, а вроде бы нет, -Уж ему-то об этом более всех известно. Вольнодумец, повешенный, но в последний момент помилованный, и прожигающий дарованную жизнь в картах да пьянстве.

– Так о ком вы будете писать? —спросил Пришвин.

– Решил, что Раскольников более интересный персонаж. Этакий маргинал. А психологическая дуэль с Порфирием, предчувствую, будет захватывающей! И преступление не останется без наказания. Вот такая фабула, -Достоевский с надеждой оглянулся на сервант, но никого не обнаружил: -Ладно, поеду в карточный клуб. Может, пару ломберов сыграю, -он встал и быстро удалился.

– Ни тебе здравствуйте, ни вам до свидания, -хмыкнул Куприн: -Кто его в классики определял? Ведь в гимназиях изучают...

– Все же интересно, кто убийца? -вздыхнул Пришвин: -Боюсь, мы этого не узнаем.

Горький рассмеялся: -Узнаем, когда станем классиками!

В зал вернулся лакей: -Господа, я принес вам свежую прессу, -и положил на стол газету.

Куприн начал ее лениво листать, вдруг задержался на какой-то заметке, внимательно прочитал и хлопнул ладонью по столу: -Сообщаю вкратце! Оказывается, мясник из ближайшей лавки решил занять у процентщиц 20 копеек, чтобы купить водки к обеду. Те потребовали вернуть 30 копеек. Мясник возмутился таким побором, разгорелся спор. А под рукой оказался топор. Он, конечно, взял 20 копеек да выпил за помин убиенных. Тут и полиция явилась.

– Его отпечатки пальцев тоже оказались на топоре? —предположил Горький.

– Нет, мясник был в рабочих рукавицах. А взяли, я думаю, по доносу стукача.

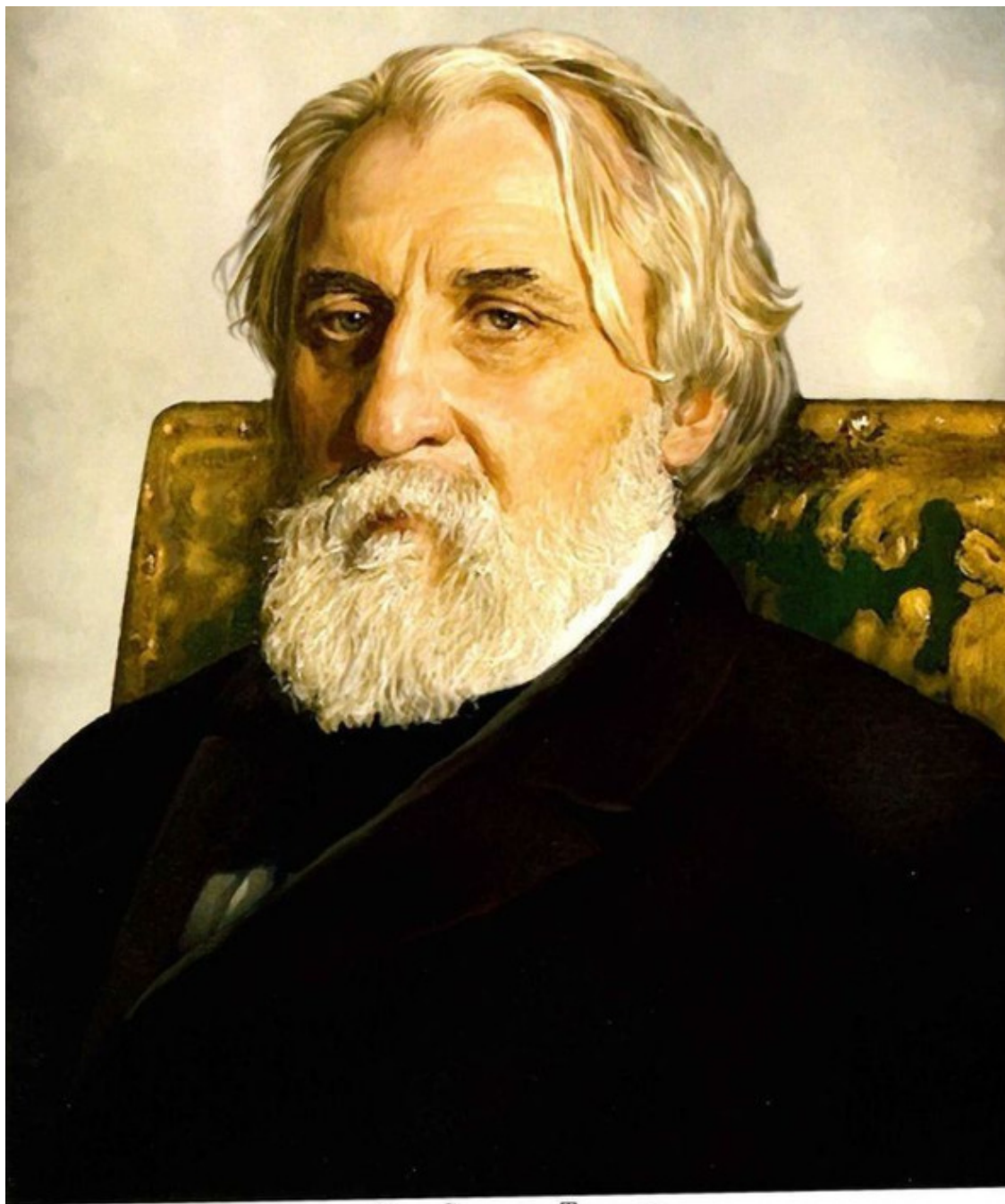
Пришвин приподнялся: -Надо бы догнать Федора Михайловича, сообщить ему новость.

– Сиди! —остановил его Куприн: -Сам разберется со своей фабулой.

– А чего сидеть-то? —поднялся Горький: -Все равно, денег на портвейн нет. По домам... Как явились из заснеженного холодного города, так в него и удалились. Творить.

Четверг

В этот вечер народу в клубе было много, все жаждали поглазеть на приехавшего из-за границы Тургенева. Сам виновник торжества сидел в кресле у камина, а рядом расположились Толстой, Чехов и Белинский. Вокруг плотным полукругом стояли почитатели, внимали... На столике между бокалами царицей возвышалась привезенная Тургеневым бутылка «Мадеры».

Иван Сергеевич Тургенев

– Иван Сергеевич, как пишется за границей без нашей строгой цензуры? —поинтересовался Белинский.

– Да никак! Более всего Виардо мешает. А вот вырвался в Питер, и сразу творческие планы появились.

– Ну-тес, ну-тес, -заинтересовался Чехов: -Поделитесь?

Тургенев почесал бородку: -Хочу написать о жизни крестьянского парня. Имя ему придумал – Герасим. Немой с детства, но правдолюб, режет правду-матку в глаза окружающим.

– Как это? Немой ведь, —не понял Чехов.

– Вы же тоже можете матерно выражаться жестами или взглядом, -пояснил Тургенев.

Чехов усмехнулся: -И никто ему не противился?

– Так он амбал здоровенный, как говорится, арбуз в каждом кулаке! Никто и не возражает. Служит дворником при хозяйской усадьбе, так как более ничего не умеет, только пыль гонять. Хозяйка – одинокая дева, вечерами садится к роялю поиграть Шопена и тихо материт настройщика. Возникает любовный треугольник – хозяйка хочет Герасима, Герасим любит свою собачку Муму, а та любит гавкать на хозяйку.

– Ты только зоофилией не увлекайся, -посоветовал Белинский, а Толстой подумал: -«Сочинит ведь такую мелодраму, что будут рыдать дети и дамы».

– А собираешься ли ты на охоту? —спросил Чехов.

– Обязательно пойду! За границей даже в лес не сходишь – кругом частные владения.

– Поведай какой-нибудь случай про охоту, -попросил Чехов: -Мы особо не разбираемся...

– Что ж... Давненько рассказывал мне знакомый прокурор...

Толстой аж подпрыгнул в кресле: -Мне уже нравится! Излагай, Иван Сергеевич.

– Воскресным летним днем помещик Сидоров, не буду называть настоящих имен действующих лиц, организовал охоту на лис в своем лесу. Участвовали многочисленные соседи, супруга хозяина Ольга и прокурор, хороший знакомый семьи. Охота удалась, весело гоняли всяческих зверей, пили, иногда закусывали, стреляли, отлично проводили время, пока загонщики не обнаружили в чаще тело Ольги. Она была убита двумя выстрелами в упор.

– Все интересней и интересней! —воскликнул Толстой.

– Какое несчастье, -вздыхнул Чехов.

Окружающие охали, крестились, выражали сочувствие.

– Такую охоту испортили! —вознегодовал Белинский: -Самое гнусное преступление!

Тургенев поддержал его кивком и продолжил: -Прокурор сразу начал следствие. Сначала собрал и проверил оружие участников. Но у всех заряды были с дробью, а застрелили Ольгу пулями. Прокурор заподозрил хозяина, но свидетели при опросе подтвердили его алиби – неотлучно находился у стола с напитками. Был уже сильно пьян, когда нашли Ольгу, да и мотив отсутствовал – любил он жену. Да, ему под 60, а Ольге чуть за 20, но женаты всего год, и чувство не охладело. Возможно, повздорили из-за беременности? На вольном-то воздухе да при здоровой пище...

– У кого-то среди участников был мотив для убийства? —поинтересовался Белинский.

– Нет, в ходе опросов это не установлено.

– Возможно, в лесу находился кто-то посторонний, имевший причины для убийства?

– Следов иных лиц не найдено.

Толстой почесал затылок: -А у нее был любовник?

– Среди участников никто не может претендовать на эту роль.

– И чем закончилось дело?

– Прокурор был вынужден закрыть его за недоказанностью. Такая вот драма на охоте.

Чехов протер пенсне: -Хочу написать про этот случай, разобраться в отношениях, в психологии. Очень интересно.

– Разобраться надо, -кивнул Белинский: -Тут все интересно – место действия, участники. Взять, например, хозяина. Мог он ревновать молодую жену, не показывая вида? А на охоте,

когда все заняты поисками лис, проследил за ней, застал с любовником и убил. Конечно, его видели выпивающим, но не постоянно. Только куда делся любовник? И ружье заряжено дробью... А про возможную беременность наверняка знал давно. Зачем выяснять отношения в чаше?

– Сомнения в пользу обвиняемого, - заметил Толстой.

– Вы чего? - удивился Тургенев: - Затеяли судебное разбирательство?

– Они просто хотят выяснить правду, - пояснил Чехов.

– А кто еще активно участвовал в деле? — продолжил Белинский: - Если подумать...

Толстой почесал лысину: - Прокурор?

– Вот именно! Он друг семьи Сидоровых, часто приезжал в гости, живет неподалеку. Так, Иван Сергеевич? А сколько ему годочков?

– Живет он сразу за лесом, почти рядом. А лет ему под сорок. Моложавый крепкий мужчина, холостой. Был знаком с Ольгой, когда она еще жила у родителей. Вы подозреваете его?

– Я подозреваю, что он единственный, чье ружье не проверяли. Да и алиби тоже. Кстати, Ольга не была беременна?

– Вскрытие не проводилось.

– По решению прокурора?

Тургенев нерешительно пожал плечами.

– Итак, вот что мы имеем, - подвел итог Белинский: - Ольга встретила с любовником, чтобы сообщить о беременности. Его такая новость не устроила. Поссорились, а под рукой ружье. Осталось сокрыть улики. Хотя и остались следы на земле, но именно он осматривал место.

– Вот это поворот! — воскликнул Тургенев: - Надо выпить, - и разлил «Мадеру» по бокалам. Посидели, молча смакуя вино. Окружающие тихонько вздыхали.

– Антон Павлович, возьмешься описать происшествие? — поинтересовался Белинский.

– Нет, тут Бунин нужен. Умеет он разбираться в темных аллеях человеческих душ...

– Все улики косвенные, из доказательств лишь предположения, - вздохнул Толстой: - Неподсуден. А жаль... И особенно жаль Сидорова. Как он, кстати?

– Они с отцом Ольги после похорон запили и через три дня отравились водкой с метанолом.

– Я даже подозреваю, кто прислал бутылочку, - с горечью усмехнулся Белинский.

Тургенев загрустил: - А мы все пишем да пишем... И я думаю о том, что в будущем кто-то скажет – «Писатели стоят в библиотеке и ждут, когда их кто-либо возьмет»...

Входная дверь хлопнула, вошел Есенин и направился прямо к лакею, дежурившему у секретера: - Водки налей!

Лакей виновато развел руками: - Нет ничего. Поставщики, мерзавцы, подвели.

– Морду им набью! — пообещал Есенин и пошел по залу, громко распевая матерные частушки.

Толстой развернулся в кресле: - Молодой человек, пожалуйста, заткните фонтан!

– Кто этот старый пердун? — Есенин направился к камину.

– Не такой уж и старый! — парировал Толстой.

Есенин подошел к нему вплотную: - Мужик, в морду хочешь?

– Кого испугать собираешься, сопляк? — зло ощерился Толстой: - Я в осажденном Севастополе сражался, пока ты с голым задом гусей по деревне гонял!

– Да я певец земли русской! — встряхнул золотыми кудрями Есенин.

– Член ты кудрявый, а не певец! Пошел вон!

Белинский добавил почти ласково, но с угрозой: - Иди, Сережа. Будешь проходить мимо – проходи. Здесь тебе не тут.

Есенин ухмыльнулся, направился к двери, громко бормоча: -Кому морду набить? Подходи, отоварю! —вышел на улицу, где и наткнулся на Федора Емельяненко...

Пятница

Ко времени обеда в клубе почти никого не осталось. Лишь кресла у жаркого камина были заняты. Толстой просматривал газету, Чехов задумчиво глядел на огонь, Бунин что-то сочинял, чиркая на листе бумаги, а Белинский листал томик Шекспира. Лакей погасил свет в зале и удалился в прихожую подремать. Задернутые шторы надежно не пропускали уличный свет.

– Господа! — прервал молчание Толстой: -Приятная новость. Нынче в Александринском театре представляют «Гамлета» с самим Каратыгиным в заглавной роли! Посетим?

Бунин оторвался от писания: -История Гамлета весьма романтическая. Мечь, любовь, смерть...

– А я без Ольги не пойду, -вздыхнул Чехов: -Но пьеса привлекательная. И Каратыгин в главной роли! Я представляю, как он произносит – «Быть или не быть? Вот в чем вопрос!». Герой!

– Я думаю, Гамлет совсем не герой, а, скорее, жертва, -заявил Белинский.

– Нуте-с, нуте-с, -отложил газету Толстой: -Объяснитесь.

Виссарион Григорьевич Белинский

Белинский усмехнулся: -А давайте проанализируем происходящие в пьесе события, рассмотрим их под другим углом...

– Это интересно, -заявил Бунин: -Слушаем тебя, Виссарион.

Белинский почесал свой ястребиный нос: -Кто такой Гамлет? Принц Датский, который после долгого отсутствия вернулся домой. Но здесь он никому не нужен, даже матери, слишком увлеченной любовью к Клавдию. А Клавдию тем паче. И кто же первым встречает Гамлета на родине? Друг Горацио. Откуда он вдруг появился? Ведь Гамлет уехал мальчиком и вряд ли

помнил кого-то из детства. Есть какой-то намек, будто Горацио дальний родственник короля. Похоже, Клавдий и приставил его к Гамлету.

– Для выяснения целей Гамлета? — догадался Чехов: -Не претендует ли он на корону!

Белинский нахмурился, отчего действительно стал похож на ястреба: -И что же делает друг Горацио? Всячески представляет Гамлета полоумным! Кто сообщает, будто Гамлет беседует с тенью отца? А про его разговоры с черепом бедного Йорика? И эти безумные высказывания Гамлета – «Прервалась связь времен», «Кто он Гекубе? Кто ему Гекуба?». Без наркотиков точно не обошлось. Кроме того, он натравливал Гамлета на Клавдия и мать. Кто сообщил Гамлету, что Клавдий отравил его отца, накапав в ухо спящему сильный яд? Скажите, Антон Павлович, с медицинской точки зрения такое возможно?

Чехов отрицательно покачал головой: —В ухе нет дырочки, чтобы жидкость пролилась в мозг. Однако сильный яд проникает через кожу прямо в кровеносную систему..

– О чем я и говорю! Заметьте, никто в Дании не подозревал, что прежнего короля отравили. В стране не было никакой смуты. Но Горацио рассказывает об убийстве с мельчайшими подробностями. Откуда он мог их узнать?

– Только если являлся сообщником! — догадался Толстой.

– Да-а, Шекспир прямо дока по части смертоубийства! — констатировал Чехов.

– А что ты хочешь? Средние века, без ножа и кинжала не прожить! — воскликнул Толстой.

Белинский злое ще рассмеялся: -Правда, версия с отравлением отца Гамлета весьма надуманная. Ну, как бы смог Клавдий проникнуть в спальню короля, если стоит охрана?

– Получается, Гамлет поверил в это под влиянием наркотиков? — удивился Бунин.

– Вероятней всего! И кто уговорил Гамлета устроить представление-ловушку? Когда тот уверился в виновности короля, кто предоставил яд для убийства? Лучший друг, но шпион Клавдия.

– Вот же змея подколотная! — возмутился Чехов.

– Это подтверждается и в сцене отравления Гертруды, матери Гамлета. Но возможно ли подумать, будто Гамлет собирался ее убить? Кто дал в руки Гамлета кубок с отравленным вином? Друг. И Гамлет подал кубок именно Клавдию, но вмешался случай – вино попало Гертруде.

– Еще Гребенщиков предупреждал – «Не пей вина, Гертруда!», - заметил Толстой. Ему ли, старому греховоднику не знать? Он ведь и писать начал со стишков типа – «-Где водка? — граф жену пытает. —В графине, -говорит жена. И граф, всмотревшись, понимает – пьяна!».

Белинский продолжил, яростно метая слюну: -Потом в припадке ярости от неудачи Гамлет кидается со шпагой на короля! А друг Горацио даже не думает его останавливать. И от Лаэрта не защищает. Кстати о Лаэрте... Тот еще тип.

– Причем тут Лаэрт? — изумился Бунин: -Он ведь мстил за гибель сестры и смерть отца.

– Мстил? За что? Да, Гамлета обвинили в убийстве Полония. Он заколол человека через штору. Но королевский прокурор его не арестовал. Почему? Даже при том, что Гамлет принц, убили первого вельможу короля. А Клавдий бы явно не стал заступаться. Значит, имелись серьезные сомнения в виновности Гамлета...

– Какие сомнения? — засомневался Чехов: -Есть свидетель – Офелия!

Белинский хмыкнул: -Именно Офелия вдруг позвала Гамлета на свидание, где угостила его пирожками собственного приготовления. Она же обратила внимание на то, что именно Клавдий подслушивает их за шторой. Что за начинка была в пирожках, отчего Гамлет, как помешанный, бросился убивать? Да, он ударил кинжалом в штору, но попал ли в Полония? Когда штору отдернули, там обнаружили мертвеца. Но кровь уже не текла из раны. Кроме того, свидетели увидели на теле укол от шпаги. Поэтому прокурор и засомневался.

– Полоний был убит ранее! — догадался Толстой: -Но кто это совершил?

– Ищи того, кому выгодно! Подозрение пало на сына Полония – Лаэрта. Однако, он имел твердое алиби – был на службе, что подтвердили двое сослуживцев. Уже догадались кто?

– Розенкранц и Гильденстерн, -усмехнулся Толстой.

– Но какой мог быть мотив для убийства отца? —засомневался Чехов.

– Обычный. Получить наследство. И для Офелии, возможной сообщницы, тоже. А наследство – штука хитрая. Поэтому Офелия, которая панически боится воды, бежит к пруду, потому что кто-то туда ее позвал, и кончает счеты с жизнью.

– За ней следовал брат, -сокрушенно кивнул Толстой.

– Потом он убирает свидетелей. Видимо, много запросили за ложное алиби. Когда убили короля, кто набросился на убийцу и заколол его? Герой – Лаэрт!

– Гора трупов! Зачем? —схватился за голову Бунин.

– Тут мне все ясно. Во-первых, Лаэрт получил повышение по службе и наследство. Во-вторых, Горацио в качестве королевского родственника претендует на трон. Отсюда вывод: власть получают убийцы и подлецы.

– Ты поосторожнее с выводами против власти, -посоветовал Чехов.

– Это не я, а сам Шекспир! И во многих своих произведениях. Один «Макбет» чего стоит! Да и «Отелло» тоже.

– При чем здесь бедный мавр? —вскричал Бунин.

– Отелло, конечно, не при чем, но вот юный лейтенант Кассио, провернув хитроумную комбинацию с платком и сделав своим оружием завистливого Яго, разом убрал двух начальников вместе с женами для головокружительной карьеры! Я прав?

– Критик всегда прав, -заметил Чехов: -В отличие от автора.

Белинский согласно кивнул и положил книгу на стол. Помолчали, приходили в себя после шокирующих открытий.

– Так пойдем на Каратыгина? —с грустью спросил Бунин: -Или...

– Шекспир, без сомнения, гений. Но идти в театр мне расхотелось, -вздыхнул Толстой.

– Значит, напьемся? —засмеялся Чехов: -Гриша, принеси-ка нам пару бутылочек от Шустова! С лимончиком, посыпанным шоколадом, как учит нас император Николай! — и пробормотал: – Хорошо, что Ольга в больничке.

Входная дверь противно скрипнула, в темноте по залу промелькнула тень, и в свете камина перед сидящими явилась Ольга Книппер. Она оглядела классиков и устремила палец на мужа: -Антоша, мне не нравится твой внешний вид!

– Да тебе уже десять лет он не нравится, -криво усмехнулся Чехов: -Кто тебя выпустил из больнички?

– А кто меня может не выпустить? —рассмеялась Ольга: -Я захотела посмотреть на Каратыгина и заказала билеты на всю вашу компанию. Карета у дверей, быстро встали и поехали в театр! За мной! —Она широким шагом отправилась на выход, и классики безропотно последовали за ней, с тоской поглядывая в сторону секретера, куда Гриша укладывал бутылки коньяка. Туда же, видимо, смотрели незримо присутствующий Шекспир да царь с портрета.

Суббота

Нынче в клубе отмечали юбилей поэтического объединения «Серебряный век». Среди множества знаменитых гостей блистали Бальмонт, Брюсов, Анненский. Звенели бокалы, играл оркестр под управлением самого Иоганна Штрауса, Бунин кружился в вальсе с Цветаевой, звучали стихи... В разгар веселья появились Гумилев с Ахматовой. Их встретил объятиями и поцелуями Бальмонт.

– Виноват, опоздал, задержался на сафари, -оправдывался Гумилев, направляясь своей грациозной походкой гепарда к столу с напитками. По пути обнимался, здоровался, целовал ручки. Оркестр играл бравурный марш. Сам Иоганн Штраус подошел пожать руку герою Петербургской публики да чмокнуть в щечку великую поэтессу. Когда Гумилев поднял бокал шампанского за успехи всех присутствующих, толпа сгрудилась у стола, чтобы с ним чокнуться. После третьего бокала Анна подхватила Гумилева под левую руку, а Бальмонт под правую, и они потащили его в кресло у камина. Сзади подталкивал Бунин. В одном из четырех кресел уже сидел грустный Блок, который даже внимания не обратил на тех, кто устраивался рядом. Бунин пихнул его, чтобы освободить себе место, но безрезультатно. Пришлось встать за спиной Гумилева.

Николай Степанович Гумилев

Герой сафари всмотрелся в сидящего напротив, улыбка осветила его всегда суровое лицо, и он радостно закричал: -Сашка, привет! Ты чего такой грустный?

– Чемодан купишь? —спросил в ответ Блок.

– Какой чемодан? При чем тут чемодан?

– Он необходим путешественникам, -грустно ответил Блок.

Анна ласково похлопала Блока по руке: -Что случилось, Саша?

– Я получил гонорар за поэму «Скифы», а тесть, ученый хренов, опять нахимичил – бизнесом занялся, стал изготавливать чемоданы. Туда и вложил все мои деньги. Чемодан купишь?

Гумилев недоумевающе развел руками: -Да Бог с ним, с гонораром! Ты поэт, талантище! Еще заработаешь...

– Я на эти деньги хотел поехать за границу, отдохнуть. Мечтал проехать по Нилу на маленьком пароходике, -вздыхнул Блок. От этих слов загрустили все присутствующие рядом, хотя вокруг царило веселье, играла музыка, рекой лилось шампанское.

– Прекрасная у тебя мечта, Саша, -улыбнулась Анна: -Мы как раз были в круизе по Нилу на маленьком пароходике. Красивые закаты в пустыне, сфинксы, пирамиды...

– И странное происшествие в плавании, -вспомнил Гумилев.

– Какое происшествие? —встрепенулся Бальмонт: -Поведай. Надо отвлечься от чемоданов.

– Да, порадуй нас рассказом о своих приключениях! —поддержал его Бунин и крикнул в зал: -Эй, кто хочет услышать Гумилева?

Начали подходить гости. Смолк оркестр. Вдохновленный вниманием, Гумилев принял величественную позу: -Действительно, отправились мы в круиз по Нилу от Средиземного моря до Индийского океана. Пароходик маленький, уютный, по три каюты с каждого борта. И пассажиров всего восемь. В одной каюте проживали молодожены из Италии, чета Бартолли. Рядом обосновался американский банкир Джон Бендер, а в следующей каюте – его сестра, миссис Бленда Бендер. Напротив устроился чиновник из Бельгии, некий Эркуль Пуаро, потом была каюта его помощника Гастингса, а затем уже наша с Анной.

– Люди все приятные. У нас сразу сложились дружеские отношения, -вставила Анна.

– Согласен, -кивнул Гумилев: -Нашлись общие темы для беседы, мы вместе любовались пейзажами, вечерами танцевали. Жанна Бартолли хорошо пела, ее муж, Пол, подыгрывал на гитаре. И ничего не предвещало трагедию.

– Трагедию, -прошептал Бунин. И слушатели вокруг кресел вздрогнули. Из окон потянуло сквозняком, у секретера звякнула разбившаяся рюмка, наступила зловещая тишина.

– Утром на четвертый день плавания миссис Бендер подняла тревогу – ее брат не пришел к завтраку, а на стук и призывы из каюты не отзывался. Срочно прибыли помощник капитана и стюард. Запертую изнутри дверь отперли запасным ключом и обнаружили мистера Бендера мертвым. Пассажиры столпились у каюты, а Пуаро с Гастингсом и помощником капитана осмотрели помещение. Покойник возлежал на койке в спокойной позе. Никаких внешних повреждений на нем не обнаружили. Посторонних предметов не нашлось, лишь клочок бумаги да стакан с остатками воды на столике у постели. Иллюминатор был тщательно задраен. Вечером пассажиры собрались на баке полюбоваться закатом, но Джон ушел к себе, объяснив, что ему надо проверить кое-какие пришедшие по телеграфу счета. Доложили капитану, и он принял решение, что наступила смерть по болезни. А в ближайшем порту передал тело в морг.

– Какое несчастье! —посочувствовал Бальмонт, поддержанный окружающими.

– Однако Пуаро, который оказался каким-то знаменитым сыщиком, считал, будто произошло убийство. Убийство в запертой изнутри комнате.

– Убийство в запертой изнутри комнате! —воскликнул вдруг заинтересовавшийся Блок: -Почему?

– Его заинтриговал клочок бумаги на столе. Ведь так приносят, например, таблетку. А стакан с водой послужил для запивки. Хотя сестра покойного и утверждала, что брат был совершенно здоров, но вполне мог почувствовать недомогание. Никаких лекарств в каюте не нашли, значит, он мог попросить у кого-нибудь таблетку. Вот только таблетка оказалась смертельной.

– Ужасная версия, -пробормотала Анна: -Когда Пуаро ее высказал, у меня случился обморок.

– Но какая же таблетка могла вызвать смерть? —удивился Бунин.

– А вот об этом расскажет наш замечательный доктор – Антон Павлович Чехов! Кстати, где он? Почему я его не вижу?

Бунин слегка сконфузился: -Он на месте жены. Ольга внезапно выписалась из больницы и приехала с мужем в театр. А там три сестры давали...

– Безобразие! -возмутилась Анна: -Проститутки в театре!

– Но это же питерские проститутки, элита! —возразил Бунин: -Где же им и быть как не в театре.

– Сейчас везде бардак, -посетовал Блок: -Куда не сунься...

– Хватит о политике, господа! -Прервал его Гумилев: -Уже любая кухарка знает, как управлять государством! Сплошная болтовня! (И царь на портрете согласно вздохнул) Кстати, что известно про Антона Павловича?

– Из окна больнички он увидел замерзшие деревья и нынче пишет пьесу про вишневый сад, -Пояснил Бальмонт: -Комедию, конечно...

Повисла неловкая пауза, которую прервал Блок: -Продолжайте про убийство!

– Через день после происшествия в адрес Пуаро пришла телеграмма с результатами вскрытия покойника. Оказалось, он был отравлен пентобарбиталом натрия. Это яд для тараканов. Убийство!

– Но кто ему подсунил таблетку? —спросил Бальмонт. Но ответа не дождался.

– Капитан немедленно приказал обыскать каюты, но яда не нашли.

Блок усмехнулся: -Облатку давно выкинули за борт.

– И встал вопрос – кому понадобилось отравить банкира? —продолжал Гумилев: -Несомненно, это был кто-то из пассажиров. Но до конца плавания вопрос не разрешился. Пуаро по своим каналам тщательно всех исследовал, но ничего подозрительного не обнаружил.

– Так и не нашли главного – мотива, -Добавила Анна: -Даже великий Пуаро оказался бессилен.

– Нераскрытое убийство! —Воскликнул Блок: -В этом есть нечто загадочное, мистическое! —Уж такой он романтик, создавший классический стих —«Вот встретились случайно две души среди миров и тысяч километров. —Ты о себе мне коротко скажи. —И он сказал: -17 сантиметров.

Бальмонт успокаивающе похлопал Блока по плечу: -Всеми всегда найдется объяснение.

А Гумилев предложил: -У кого-нибудь из окружающих есть версии?

– Несомненно, виновна сестра покойного! —выкрикнули из группы слушателей: -И мотив налицо – наследство!

– Ну, да, ну, да, -согласно кивнул Гумилев: -Но почему именно в этот вечер, на пароходе?

– Что-то могло подтолкнуть ее на быстрое преступление, -подсказали слушатели.

Гумилев опять кивнул: -Но ведь ничего не случилось в тот вечер...

– А как же телеграмма, из-за которой Джон ушел к себе? —вспомнила Анна.

– Вот! —Блок хлопнул по ручкам кресла: -Он проверял чьи-то счета! Телеграмму нашли?

– К сожалению, нет.

– Ее забрал убийца! Ловкий, сметливый, принимающий быстрые решения и умеющий тщательно скрывать улики! А также финансовый махинатор. Не работает, но деньги имеет. Кто из пассажиров подходит под это описание? И как он подсунил таблетку? Кто отлучался вечером, когда вы сидели на баке?

– Никто не отлучался, ушли все вместе, расходились по каютам, видя друг друга.

– Значит, убийца имел очень мало времени для принятия рокового решения. Сначала он не ожидал встретить банкира на пароходике. Забеспокоился и купил где-то ядовитые таблетки. Знал их действие, а это характеристика личности. Но убедился, что Джон его не узнал, и успокоился до получения телеграммы, -Блок опять хлопнул по ручкам кресла.

– Получается, убийца действовал сразу после расхождения пассажиров по каютам, -высказался Бальмонт: -Но как?

– Видимо, под каким-то предлогом явился к Бендеру, разговорился с ним о разных недомоганиях, пожаловался на свои болячки, предложил свои лекарства. Психологически, человек, слушающий о болезнях, как-то примеряет их к себе. И убийца уговорил банкира попробовать его таблетку, которую принес с собой, после чего приветливо пожелал спокойной ночи. Банкир запер дверь на задвижку, принял таблетку да лег в постель. Получилось идеальное убийство.

– Вот это да! —восхитился Гумилев: -И кто же убийца? Кто подходит под ваши характеристики?

– Сестра явно не подходит. Вас с Анной я сразу отвергаю, поскольку преклоняюсь перед вашими талантами совсем в другой области.

– Спасибо, Саша, -ласково улыбнулась Анна.

Блок слегка поклонился в ответ и продолжил: -Молодая итальянка тоже не подходит. Вряд ли у нее столько криминальных способностей. Конечно, она могла соблазнить Бендера, а муж из ревности его прикончить. Но откуда у пары могли возникнуть финансовые трудности? И, самое главное, – куда делась телеграмма?

– Вот, вот! -Послышалось со всех сторон: -Самый важный вопрос!

– А убрать ее мог только тот, кто заходил в каюту при обыске. Помощник капитана не в счет.

– Неужели Пуаро? —ахнул Бунин.

– Ни в коем случае! —воскликнула Анна: -Мне он показался честнейшим человеком!

– Остался лишь один пассажир, -вздыхнул Гумилев: -Я правильно понял, кто это?

– Последний довод, как последний гвоздь в заднице, -почему-то проговорил Бальмонт. А Гумилев торжествующим взглядом оглядел окружающих. Он любил чувствовать восторг и преклонение толпы. Особенно, когда повествовал о своих многочисленных сафари – «Слышу, сзади кто-то скребется. Оглянулся – капец подкрадывается!».

Окружающие молчали. Анна поцеловала мужа: -Мы сейчас уже ничего не можем доказать. Пойдем лучше танцевать, -и увлекла его в зал, где вновь заиграл оркестр. За ними в мир веселья и музыки отправились другие. Остался грустный Блок с немой вопросом в глазах: -«Куда девать чемоданы?».

Воскресенье

Прямо с утра на Дворцовой площади начались пивные гулянья. Производители пива представляли свою продукцию. В шатрах стояли бочки с ароматным напитком, а на площади поставили длинные столы со скамьями. Каждый желающий мог получить одну кружку пива бесплатно в любом шатре. Но за остальные полагалось платить, хотя и со скидкой. Кроме того, в шатрах продавались вобла, красная икра, соленые огурцы и сухарики. Сотворили праздник назло немецкому «Окtober фест». Народ повалил валом.

Поэтому Литературный клуб пустовал. Лишь у камина восседали ярые противники пива – Бунин, Куприн и Горький. Лакей потушил свет в зале, но раздвинул шторы на окнах. Ветерок мелодично посвистывал сквозь щели. Курили, тихо, мирно беседовали о падении нравственности в современной литературе. Полутьма способствовала спокойному настроению.

Дверь с треском распахнулась, впуская воняющего пивом Есенина, который с порога начал громко декламировать: -И когда меня спросят однажды – «Почему же вы стали поэт?», я отвечу им чинно и важно – «Ну, а хули бы, собственно, нет?», -но увидел, что зал пуст, замолчал и пошел на огонек камина, спросив по пути встрепенувшегося от дремы лакея: -Где Толстой?

– Их высочество, Лев Николаевич, соизволят валяться под забором на заброшенной станции.

– Пьяный или мертвый?

– Вечно живой...

Есенин плюхнулся в свободное кресло: -Все злей и жестче возраста влияние. И я уже не в силах превозмочь, что утром просыпаюсь в состоянии, как будто меня пиздили всю ночь...

– Сережа, ты зачем пьешь с утра? —поинтересовался Горький.

– Есть повод. Поминаю знакомую девицу Машу. Она хоть и проституткой была, но такой доброй, ласковой. А ей перерезали горло в темном закоулке! Этой ночью...

– Вот же несчастье! —Бунин погладил золотые кудри Сергея: -Мы тебе соболезуем.

Есенин поник головой: -А ранее еще трех девиц так же убили. Всех в ночь с субботы на воскресенье за этот месяц.

Максим Горький

– Получается, у нас появился Джек потрошитель! —воскликнул Бунин.

После недолгого молчания Горький поинтересовался: -Значит, четырех девиц убили ночью в одном районе?

Есенин кивнул, и Горький предположил: -Убийца живет или работает рядом с местами преступлений, но свободен только ночью. Надеюсь, Кошко догадался выставить засады?

– Ничего не вышло, -вздыхнул Есенин: -Убийца сделал свое грязное дело и ускользнул.

– Неуловимый преступник? —засомневался Горький: -Почему? А как вам понравится такая версия – убийца не мужчина, а женщина? Ведь сыщики ищут, а свидетели вспоминают только мужчин. Женщины ускользают от их внимания. Но я знаю, что женщины не хуже мужчин могут ловко перерезать горло. Только старухи для этого не годятся.

– Ну-у, как-то притянута за уши, -засомневался Куприн.

– И еще довод, -настойчиво продолжал Горький: -Девицы ведут клиентов в кабинеты. Никто из них не пойдет в темный закоулок, забояться. Но женщина вполне может под каким-то предлогом заманить знакомую в удобное место. Например, продать кокаин по дешевке.

Сам он много побродил по злочным местам, но мог бы претендовать лишь на роль импотента, как отрицательного героя в порнофильме.

– Получаем молодую женщину, которая знает девиц, работающих в этом районе, что-то им продает и свободна только по ночам с субботы на воскресенье, -догадался Бунин.

– Но я бы не сбрасывал со счетов убийцу мужчину, -хмыкнул Куприн.

– А кто бы мог быть приходящим ночью клиентом? Служивый, который имеет увольнение лишь по выходным? Не подходит, ведь ему надо явиться в часть до полуночи. Или сумасшедший, вылезавший из норы при ослаблении охраны по выходным? Нет, слишком далеко находится дурдом от места преступления. Следовательно, склоняемся к версии с женщиной.

– Но кем может быть эта женщина?

– Сережа, вопрос к тебе. Ты у нас знаток темных сторон жизни.

– Я, право, теряюсь в догадках... Предлагаю подумать совместно.

Помолчали. Паузу прервал Горький: -А какие заведения, кроме номеров борделя, имеются в этом районе? Кабаки, фабрички, пекарни? Что там есть такое, где работают круглосуточно с одним выходным? Подумай, Сережа...

– Кроме перечисленного вроде и нет ничего...

– А женский монастырь! —вспомнил Бунин.

– Вот мы теперь монашку в убийцы запишем! Ты спятил, Ваня? —вскипел Куприн.

Горький махнул на него рукой: -Спокойней! Мысль ведь интересная. Какой распорядок у монахинь? День и ночь бдения, труды да молитвы. Но в ночь на воскресенье наступает перерыв. Сторож, сволочь, обязательно пьет, и тогда можно незаметно выйти из монастыря, а потом вернуться. Закутанная в черную рясу монашка незаметна в ночи. Вот!

– Категорически не согласен! Божья невеста после молитвы идет убивать? Зачем? Сошла с ума? И каков мотив? Даже говорить об этом не желаю!

– Мотив невозможно представить, -согласился Бунин.

– Почему невозможно? —воспротивился Горький: -Как ты считаешь, Сережа?

– Единственное, что приходит в голову, – конкуренция.

– Конкуренция девиц и монахинь?! Да ты совсем мозги пропил, Сережа!

Есенин пригладил кудри: -Знаю я их. И не вижу ничего странного в том, что монашка может в свободное от молитв время подработать на стороне, если занималась этим ранее.

– А девицы как раз в это время ей мешали, -добавил Горький.

Куприн схватился за голову: -Вы извращенцы! Побойтесь Бога!

– Бога бояться – на грех не ходить, -усмехнулся Есенин.

Горький придержал за плечо попытавшегося вскочить Куприна: -Остынь же, наконец! И подведем итоги. Сложился образ убийцы – молодая монахиня или послушница, сильная, ловкая, с опытом проституции, убирающая конкуренток в районе, где подрабатывала. А если сыщики найдут клиентов, то отыщут и улики.

– У меня странный вопрос, -вмешался Бунин: -Почему она, если это все же монахиня, начала убивать? И вдруг совсем недавно...

– Любишь ты, Иван, задать вопрос с подковыркой, -погрозил ему пальцем Куприн.

Горький прокашлялся: -Вариантов немного. Она могла принять постриг месяца два назад, а если это послушница, то прийти туда. Может, и находилась в монастыре долго, но понадобились деньги. Скорее, на ребенка, чем на любовника. Я прав? Или она случайно встретила ту – первую жертву, которая ее узнала по прежним делам и стала шантажировать. Что оставалось делать? Заманить в темный закоулок. А продолжила, чтобы первое убийство замаскировать.

– Создала серию! —обрадовался Есенин: -Я всегда говорил, что проститутки – умные и хитрые!

– Александр Иванович, будь любезен, позвони своему другу Кошко, -попросил Бунин.

Куприн отправился в прихожую к телефону. Горький гордо поглаживал усы. Бунин рассеянно шевелил кочергой в камине. Есенин встал: -Скучно с вами, господа! Какие-то криминальные кроссворды разгадываете... Поеду в офицерское собрание. Там меня почитают, -и удалился.

– Добросовестную работу проделали, -констатировал Бунин: -Помню, Пушкин так написал по сему поводу – «О, сколько нам видений чудных готовит русской водки дух! Коньяк – источник мыслей мудрых, и пиво – лучший водки друг!».

– Ай, да Пушкин! Ай, да рифмозвон! —захлопал Горький.

Вернулся повеселевший Куприн: -Алексей Максимович, как вы смотрите на то, чтобы выпить?

– Пристально...

А царь на портрете одобрительно кивнул.

Вечерело, праздник на площади завершился, но облака над городом, подсвечиваемые солнышком, еще напоминали пену на пивном бокале, а воздух пронизывали ароматы воблы и соленых огурцов.

Понедельник

Нынче в клубе собрались с утра молодые поэты – себя показать, почитать на публике свои опусы да предложить их спонсорам для опубликования. Любителей новой поэзии набралось много, и Грише пришлось принести дополнительные стулья. Гости устраивались группами по интересам к своим кумирам и внимали. А поэты, встряхивая кудрями, пронзали их рифмами. Парочка издателей фланировала между группами с деланным равнодушием.

Солнышко щедро поливало зал своими лучами во все четыре окна, наполняя его теплом. Поэтому камин еле тлел, но мэтры согревались, протянув ноги к уголькам и тихонько смакуя портвейн. Сегодня пришли лишь двое – Лев Николаевич и Антон Павлович. Они молча прислушивались к раздававшимся в зале звукам поэзии, поощрительно кивая или недовольно хмурясь. В чеховском пенсне иногда сверкали искорки от камина, а Толстой часто вытирал рукавом толстовки вспотевшую плешь.

В клуб вошел хорошо одетый красивый молодой человек, остановился, рассматривая зал, заметил Толстого и направился к камину. Лев Николаевич встал навстречу подошедшему, обнял, расцеловал, усадил в кресло: -Как хорошо, что ты пришел! Знакомься, Антон Павлович, – мой какой-то там, хрен знает какой, дальний родственник Алексей Толстой. Такой молодой, а уже граф.

Алексей Николаевич Толстой

– Очень приятно познакомиться, -Чехов пожал руку молодому человеку: -Портвейн будете?

– Будет, будет! —вскричал Лев Николаевич: -Гриша, принеси, будь добр, бокал!

– А заодно еще бутылочку! —добавил Алексей.

Лев Николаевич приобнял его: -Вот молодец! Сразу видно будущего коллегу. Он ведь, Антон Павлович, тоже пописывает. И талантливо!

Алексей засмутился: -Да будет вам, Лев Николаевич... Я только начинаю...

- И о чем начали писать? —поинтересовался Чехов.

- Пытаюсь рассказать о начале династии Романовых, этакую смутно вспоминаемую историю.

Царь на портрете заинтересованно встрепетул.

- Похвально! Давненько в России не было повестей о былом, -И Чехов сноровисто принялся разливать принесенное Гришей вино.

Царь на портрете разочарованно зевнул и уставился туда, где далеко за горизонтом весело плескалось теплое Черное море.

Долго смаковали приятный вкус портвейна, нюхали его аромат, сладко вздыхали. Паузу прервал Лев Николаевич: -Ты откуда, Алеша, такой нарядный?

С похорон, -горестно покивал головой Алексей: -Убили мою знакомую молодую совсем актрису. Убили дома, чуть ли не в семейном кругу. И нет ни мотива ни убийцы... Даже сам Кошко не разобрался.

- Вот так так, -дернул себя за бороду Лев Николаевич: -Даже сам Кошко? —он внезапно быстро наполнил бокалы: -А давайте-ка выпьем, и ты нам расскажешь все, что знаешь про убийство. Оно меня заинтересовало. Ну, за помин души убиенной рабы божией...

Выпили, и Алексей начал рассказ: -Ее звали Бэла Азария. Она горянка откуда-то из семейства черкесских бедных дворян. Родители еле наскребли денег, чтобы послать ее учиться в Питер. Она и выучилась – на актрису в студии самого Станиславского. Принята была в Александринский театр. Сначала к ней присматривались, а потом даже крупные роли стали давать. Весьма талантливой оказалась. Появились знакомства, деньги, поклонники. Она сняла хорошую большую квартиру близ театра и пригласила к себе жить родителей. Красивая стройная девушка... -Он вздохнул, налил себе вина и выпил залпом.

- И как ее убили? —Лев Николаевич налил всем вина.

- Праздновали день рождения батюшки у нее на квартире. Кроме родителей присутствовали специально приехавшие с Родины сестра матери, ее сын 20 лет, двоюродный брат отца, его сын 25 лет и его дочь 16 лет. Много пили, вели разговоры о женитьбе Бэлы с кем-то из кузенов, сидели тихо, мирно. В какой-то момент мужчины пошли курить, а Бэла отправилась на кухню проследить за десертом. Там ее и нашли с ножом в сердце.

Долго молчали, рассматривая сквозь бокалы блески огня. Казалось, даже шумы зала смолкли. Тучи закрыли солнце, и теплые лучики пропали. Гриша включил электрический свет.

- Версии есть? —вдруг спросил Лев Николаевич: -Кто что думает?

Чехов протер платочком пенсне: -Ясно, что убийца – кто-то из присутствующих. Ведь никто более в квартиру не являлся?

- Не являлся, -вздохнул Алексей.

- А ссоры не было? —пригладил бороду Лев Николаевич.

- Не было, -снова вздохнул Алексей.

Чехов закурил: -Но ведь кавказцы, народ горячий... Свои законы, кровавые обычаи... Лев Николаевич, ты же был на Кавказе...

- Нет, нет, увольте меня! Я был на Кавказе, но совсем не для этнографических исследований.

Чехов стряхнул пепел в камин: -Тогда надо позвать эксперта. И я даже знаю, кого, -он развернулся к залу: -Видите, в том дальнем углу высокого красавца?

- А-а, узнаю его, -вгляделся в зал Лев Николаевич: -Сочиняет лирические стихи про флейты водосточных труб. Фамилии не помню.

- Маяковский его фамилия, -подсказал Чехов: -Владимир Маяковский. И думаю, он еще станет классиком повыше нас. Талант!

- И зачем он нам? —удивился Алексей.

– Он родом с Кавказа и, конечно, знает местные обычаи. Я его позову? Володя! Маяковский! – Чехов призывно замахал рукой: -Иди к нам!

Маяковский прервал исполнение стиха и, к зависти других поэтов, направился к мэтрам: -Добрый день, господа! Чем могу служить?

– Добрый день, Володя. Садись рядом с нами в кресло, -пригласил поэта Чехов.

– Да я недостоин еще, -засмутился Маяковский.

– Ничего, ничего, -доброжелательно улыбнулся Лев Николаевич: -Еще будешь классиком, а пока грей местечко.

Маяковский сел в кресло, ему налили вина и рассказали историю убийства.

– Подскажи, Володя, может, здесь замешаны какие-то национальные обычаи?

Маяковский отпил вина: -Здесь много вариантов, -он еще отпил вина: -Во-первых, возможна кровная месть – самый распространенный на Кавказе обычай. Но кто и кому мог бы мстить? Собрались близкие родственники, не враги. Делить нечего. Да и какие враги у молодой девушки? Ее за что убивать? Не подходит такой вариант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.